

УДК 821.161.1

А. В. Герцик (Мозырь, Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ В. ВЫСОЦКОГО

В статье рассмотрены особенности песенных текстов В. Высоцкого, в которых он иронически переосмысливает известные сказочные сюжеты и строки произведений поэтов-классиков. Особое внимание уделяется стихотворению поэта «Мой Гамлет», в котором В. Высоцкий трактует шекспировский образ как жертву своего времени и сопоставляет героя собственного стихотворения с «Гамлетом» Б. Пастернака. Рассмотрено также и стихотворение поэта «Памятник».

Владимира Высоцкого нет, но с нами его песни, роли в театре и кино, поэт по-прежнему присутствует в нашей духовной жизни. Он мог бы жить и писать, петь и играть еще и сейчас, ведь только семьдесят пять лет прошло со дня рождения поэта. Время при-

близило наследие Высоцкого, сделало близким и дорогим. Он сыграл более 60 ролей на сцене, в кинокартинах, телефильмах и радиоспектаклях, написал более тысячи стихотворных и несколько прозаических текстов.

В творчестве В. Высоцкого широко представлены фольклорные, сказочные сюжеты, часто переосмысленные в ироническом ключе. Знакомые с детства сюжеты получают в его песнях новую жизнь. Поэтому Б. А. Макарова даже предлагает назвать их «антисказками» [2, 59].

Песня «Про дикого вепря» была написана в 1966 г. Многие в ней противоречат сказочной традиции: королевский стрелок у Высоцкого ленив, он не хочет жениться на принцессе, просит в качестве награды «портвейна бадью» и в конце концов убегает. Комический диалог стрелка и короля свидетельствует о независимости первого, стрелок нарочито осовременен, лексика его вульгаризирована, а последняя комическая строфа отсылает читателя к реалии 60-х гг. – популярному кинофильму «Фантомас»:

*Но конец у этой сказки остался,
И его, друзья, не скрою от вас:
Под обличьем стрелка там скрывался
Всем известный негодяй Фантомас* [1, 59].

Песня «Лукоморья больше нет...» имеет в основе своей литературный источник – пушкинский пролог к «Руслану и Людмиле», хорошо известный каждому читателю с детства. Однако В. Высоцкий придает этой теме неожиданный ракурс: он пишет о разрушении древнего сказочного Лукоморья под натиском безжалостного и прагматичного прогресса:

*Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след,
Дуб годиться на паркет,
Так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили все дубы
На гробы* [1, 53].

Судьба каждого сказочного, романтического персонажа подана подчеркнута реально, в духе примитивного быта советской эпохи:

*Как-то леший недопил,
Лешачиху свою бил,
Лешачиху свою бил
И вопил:
Дай рубля, прибью, а то
Я добытчик али кто,
Дай рубля, а то пропью
Долото* [1, 54].

Поэт противопоставил романтическую сказку и свою современность, и авторская оценка последней подчеркнута отрицательно. Высоцкий не пародирует Пушкина, пародийно выглядит сама действительность 60-х гг.

В 70-е гг. В. Высоцкий окончательно избавляется от иллюзий на реформирование брежневского режима. В его песнях нарастает чувство трагизма, ощущение бесперспективности избранного страной исторического пути. Одной из ведущих становится тема насилия в тоталитарном обществе.

В песнях и стихах активно используются античные, фольклорные, литературные образы. Поэт реализует в своем творчестве различные лексические пласты: от воровского жаргона, уличного сленга и бытового просторечия до изысканного литературного языка.

Обычно в русской классической традиции посещение Музы поэты описывали как акт творческого озарения, как нечто необычное и возвышенное. Единственное исключение составил Н. А. Некрасов, уподо-

бивший свою Музу иссеченной кнутом крестьянке.

У В. Высоцкого его Муза обретает черты современной женщины:

*Меня сегодня Муза посетила,
Немного посидела и ушла* [1, 124].

Поэт сосредоточивает внимание на будничных, бытовых деталях: что скажут соседи, если узнают, что она была ночью у мужчины, после ее ухода поэт недосчитался трех рублей, он досадует на ее ранний уход, а сам визит покровительницы творчества обретает явное сходство с неудавшимся любовным свиданием:

*Огромный торт, утыканный свечами,
Задох от горя, да и я иссяк.
С соседями я допил, сволочами,
Для Музы предназначенный коньяк* [1, 124].

Две заключительных строчки стихотворения почти дословно повторяют известное выражение Пушкина; оно иронично подано Высоцким как свидетельство посещения спутницы Аполлона, как свидетельство визитная карточка, свидетельствующая о мастерстве:

*Вот две строки, – я гений, прочь сомненья!
Даешь восторги, лавры и цветы:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной являлась ты»* [1, 124].

Одним из самых значительных стихотворений В. Высоцкого о назначении поэта стало «О фатальных датах и цифрах». Высокий уровень драматизма задан уже первой строчкой: «Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт». Далее называются имена Пушкина и Маяковского, Байрона и Рембо, легко узнаваемы из описаний Лермонтов и Есенин, названо даже имя Иисуса Христа как духовного отца всех поэтов.

Высоцкий говорит о трагизме судьбы всякого поэта в этом мире, возможно, предвидя тем самым и собственную раннюю смерть. Возникает очень яркий метафорический образ тонко чувствующей души художника:

*Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души* [1, 160].

Очень значительным творческим достижением является стихотворение «Мой Гамлет», ведь В. Высоцкий создал на сцене свой особый, неповторимый образ, постарался приблизить шекспировского героя к современности и в то же время подчеркнуть общечеловеческое в нем.

Стихотворение начинается повествованием о годах детства и юности Гамлета, поэт воссоздает то, о чем умолчал Шекспир. На взгляд Высоцкого, детство Принца Датского прошло как детство всех наследников престола в уверенности, что трон ждет его:

*Я знал – все будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.*

*Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы – короне* [1, 299].

Но беззаботная жизнь, полная развлечений, не могла удовлетворить Гамлета, ведь он – олицетворение сомнений человеческого разума:

*Я видел – наши игры с каждым днем
Все большие походили на бесчинства.
В проточных водах, по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства* [1, 300].

И герой Высоцкого начинает искать свой собственный путь, в этом он становится похожим на других молодых людей, сыновей прошлых эпох – Чайльд-Гарольда и Евгения Онегина.

Примерно с середины стихотворения поэт начинает вводить шекспировские реминисценции и моти-

вы, некоторые известные строки монологов Гамлета искусно вплетены В. Высоцким в стихотворную ткань:

*...Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.
...Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем... [1, 300].*

Высоцкому драматизм положения Гамлета видится в том, что герой не свободен от законов и духа времени, ведь действовать он может только в пределах своей эпохи, что делает героя похожим на остальных людей:

*В непрочный сплав меня спаяли дни –
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и, как они,
Я не сумел от мести отказаться. <...>
Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону,
Но в их глазах – за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону [1, 300 – 301].*

Гамлет способен действовать расчетливо, вероломно и жестоко, чувствовать азарт борьбы. Но он медлил со своей мстью Клавдию, поскольку его воля ограничена собственными размышлениями и сомнениями, герой не выполнил задуманного плана отмщения. И в этом таится глубокий смысл: общественная атмосфера кризиса Ренессанса была настолько подлой, что человек, который начинал действовать и стремился к успеху, должен был уживаться с этой подлостью, учитывать ее и использовать в своих интересах. Борьба Гамлета против Клавдия могла быть только соперничеством за личную власть. И чтобы победить в этой борьбе, нужно было пользоваться дурными методами, принятыми в политике, жить в этой грязи, в которой живут Клавдий, Полоний, Гертруда, Розенкранц и Гильденстерн.

Следовательно, Гамлет видится поэту жертвой своего времени, поскольку шекспировский герой сохраняет верность идеалам эпохи Возрождения, тогда как на дворе уже совсем иное время.

В. Высоцкий выступает в своеобразную творческую переключку с великим русским поэтом XX века – Борисом Пастернаком, тоже создавшим стихотворение «Гамлет». Пастернаковское стихотворение написано также от первого лица, однако его лирический герой с самого начала ощущает себя актером, призванным сыграть предназначенную ему эпохой роль.

У Пастернака также присутствует реминисценция из трагедии Шекспира, выражение «прислоняясь к дверному косяку» переключается со знаменитой фразой «дверь времени выскочила из своих петель». Но если у В. Высоцкого герой мыслит себя только в реальном мире, то герой Пастернака существует и как

параллель Иисусу Христу.

Б. Пастернак подчеркивает драматичность своего Гамлета, он существует прежде всего как тип сюжетический, который в ходе развития лирического сюжета постепенно сближается с образом автора. Объединяет обоих героев – Б. Пастернака и В. Высоцкого – то, что они не сумели сыграть свою роль так, как они того хотели.

Последняя строфа стихотворения В. Высоцкого построена на сплошных парадоксах, но содержит в себе и очень глубокую мысль о том, что правильный вопрос содержит в себе зерно ответа:

*Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса [1, 301].*

Стало уже обычаем для русской литературы, что каждый большой поэт, повторяя традицию Пушкина, пишет стихотворение «Памятник». Имеется такая песня и у В. Высоцкого. Поэт очень опасался посмертной академизации своего творчества:

*Я хвалился косою саженью:
Наде, смерти!
Я не знал, что подвернусь суженью
После смерти.
Но в привычные рамки я всажен, –
На спор вбили,
А косою неровную сажень
Распрямили [1, 284].*

Большая часть «Памятника» повествует о том, как творчество барда искажали, как «отчаяньем сорванный голос» превращали «в приятный фальцет». Однако дух поэта сопротивляется насилью над ним, его «неправильное» человеческое естество возмущается, и памятник взбунтовался, камни осыпались с него, и поэт увидел себя живым:

*Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я: «Похоже – живой!» [1, 285].*

В. Высоцкий говорит о том, что его творчество близко народу именно потому, что оно далеко от власти предрержащих, что оно не укладывается ни в какие рамки, что оно живое:

*И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, ушел всенародно
Из гранита [1, 286].*

Подробнее о трактовке стихотворения «Памятник» можно узнать из статьи Е. Сафоновой [2, с. 25 – 26].

Литература

1. Высоцкий, В. С. Избранное/ В. С. Высоцкий. – М.: Советский писатель, 1988. – 512 с.
2. Макарова, Б. А. Фольклорные мотивы в лирике В. Высоцкого (из опыта преподавания литературы в 5 классе) / Б. А. Макарова // Русская словесность. – 2000. – №2. – С. 59–63.
3. Сафонова, Е. «Памятник»: традиции и новаторство / Е. Сафонова // Литература: Прил. к газ. «Первое сентября». – 2007. – № 22. – С. 25 – 26.
4. Сычев, Б. П. Сыновья уходят в бой: Авторская песня. Тема войны в творчестве В. Высоцкого/ Б. П. Сычев // Литература в школе. – 2005. – № 7. – С. 41–44.